

Научная статья

УДК 93/94.321

doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.009

Политико-правовые задачи управления Российской империи в Средней Азии: административно- правовая практика включения Младшего и Среднего жуза в сферу имперской внутренней политики

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЛИТВИНОВ

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина,
Елец, Россия

Институт стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Рос-
сийского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина, Биш-
кек, Кыргызстан

vladlenli@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа административно-право-
вой политики Российского государства в Средней Азии в первой половине XIX в.
Отмечается, что на начальном этапе управления степными регионами Средней
Азии, где проживали казахи, использовалась косвенная модель управления, при
которой центральные власти практически не влияли на внутреннюю ситуацию
в Степи. По этой причине уже в конце XVIII в. царская администрация в регио-
не взяла курс на вовлечение казахских подданных в структуры русской государ-
ственности.

Ключевые слова: Казахская степь; Средний жуз; Младший жуз; административная политика; Российское государство; Оренбургская пограничная комиссия.

5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Литвинов В. П. Политико-правовые задачи управления
Российской империи в Средней Азии: административно-правовая практика
включения Младшего и Среднего жуза в сферу имперской внутренней политики
// Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных ис-
следований. 2023. № 1 (8). С. 61–68. doi: 10.46741/sgjournal.2023.8.1.009.

Original article

Political and Legal Tasks of the Administration of the Russian Empire in Central Asia: Administrative and Legal Practice of Including Junior and Middle Zhuz in the Sphere of Imperial Domestic Policy

VLADIMIR P. LITVINOV

Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

© Литвинов В. П., 2023

Institute of Strategic Analysis and Forecast of the Kyrgyz-Russian
Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan

vladlenli@yandex.ru

Abstract. The article attempts to analyze the administrative and legal policy of the Russian state in Central Asia in the first half of the 19th century. It is noted that an indirect management model was used at the initial stage of management of steppe regions of Central Asia, Kazakhs' place of residence. So, central authorities practically did not influence the internal situation in the region under consideration. For this reason, already at the end of the 18th century the tsarist administration in the region embarked on including Kazakh subjects in the structures of Russian statehood.

Key words: Kazakh steppe; Middle Zhuz; Junior Zhuz; administrative policy; Russian state; Orenburg Border Commission.

5.6.1. Domestic history.

For citation: Litvinov V.P. Political and legal tasks of the Administration of the Russian Empire in Central Asia: administrative and legal practice of including Junior and Middle Zhuz in the sphere of imperial domestic policy. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 1 (8), pp. 61–68. doi: 10.46741/sjournal.2023.8.1.009.

Практически на всех этапах существования российской государственности – от Московского царства до современной России – перед центральной властью стояла задача по поиску сбалансированной модели управления национальными окраинами, имеющими свою культурную, религиозную, политическую и иную самобытность. Очевидно, что в разные исторические периоды реализовывались различные подходы в управлении регионами. В определенные моменты центр охотно делился с ними своими полномочиями (как правило, во время политической и социально-экономической нестабильности в стране). Прослеживается и еще одна закономерность: включение в состав русского государства не означало автоматического вхождения в политико-правое поле российской государственности, обретенные или завоеванные территории, как правило, проходили длительную адаптацию. Многие народы сохраняли свою культурную, религиозную и социально-политическую самобытность в составе Российского государства. Более того, именно благодаря вхождению в состав России на том или ином этапе ее истории они не только продолжили существование как нации со своей историко-культурной исключительностью, но смогли не утратить политической самобытности и со временем обрести собственную государственность.

Проблема управления среднеазиатскими территориями встала перед Российским государством после принятия в подданство в XVIII в. казахов Младшего и части Среднего жузов. При этом необходимо отметить, что сами территории, на которых кочевали казахи, вначале не были включены в состав Российской империи. Желая ограничить затраты на управление и содержание, на этих территориях осуществляли так называемое косвенное управление. Российское правительство ограничивалось поддержкой своих ставленников и по мере необходимости наведением порядка в Степи средствами проведения военных экспедиций, призванных примирить или умиротворить отдельные казахские племена и кланы. Внутренняя политика на этих территориях отдавалась на откуп местным ханам и родовой аристократии, которые, опираясь на силу России, осуществляли таковую в своих собственных интересах, что не всегда имело положительный эффект для простых казахов-кочевников. Следует подчеркнуть, что отдельные рода Среднего жуза и Старший жуз

не пошли под «руку белого царя» и по этой причине чувствовали себя более свободными в политическом отношении.

Политическая ситуация в самой Степи определялась, в первую очередь, ментальностью казахов-кочевников, их обычаями и политическими традициями. Хан воспринимался обычными казахами как вполне обыденная фигура, не лишенная человеческих слабостей. Современная исследовательница И. Ерофеева замечает: «Статусная фигура хана традиционно воспринималась кочевыми казахами без сколько-нибудь значительного налета эзотерической сакральности, как "первого среди равных" в "благородном семействе" автохтонных джучидов, что характерно для всех военных демократий евразийского континента» [1]. Само по себе обладание высшим титулом в Степи никак не гарантировало существенных материальных приобретений и реальной власти над населением. Однако наличие ханского титула являлось вопросом социального престижа среди номадов, выступало данью великой кочевой традиции. Борьба за титул непременно вызывала соперничество лидеров главных казахских кланов. Российское правительство пыталось учитывать особенности политического устройства Степи и, как правило, напрямую не вмешивалась во внутривнутриполитическое междоусобное соперничество, используя для влияния на ситуацию разного рода инструменты так называемой «мягкой силы». Русское правительство всячески поощряло верноподданнические проявления со стороны кочевой казахской аристократии, в частности в 1758 г. султаны Ералы, Айшуака и Абылай были награждены именным оружием. Кроме того, Абылаю было назначено солидное жалование в размере 200 руб. в год [2, с. 568]. Исследователь Д. В. Васильев пишет: «Лавируя между различными родовыми и политическими объединениями, российская администрация пыталась, с одной стороны, нащупать опору в Степи, а с другой, хотя бы не допустить чрезмерного усиления чьего бы то ни было авторитета» [3, с. 11]. Администраторы Степи вскоре поняли, что такая двойственная политика не может привести к укреплению позиций России в регионе, кроме того, она не устраняла главной проблемы – влияния Китая. Известно, что казахский хан Абылай самостоятельно устанавливал отношения с властями Цинского Китая, не советуясь при этом с русским правительством. По этой причине уже в конце XVIII в. царская администрация в регионе взяла курс на вовлечение казахских подданных в структуры русской государственности. На территориях Младшего жуза была проведена административная «реформа Игельстрома», предложенная 1786 г. оренбургским генерал-губернатором и названная в его честь. Проект предполагал устранение ханской власти в Младшем жузе и передачу основных властных полномочий пограничному суду, состоящему из представителей царской администрации. Казахской кочевой аристократии гарантировались только места в расправах – местных органах власти. В соответствии с утвержденными положениями проекта реформы расправам придавались судебные, полицейские и административные функции. Несмотря на достаточно широкие полномочия, казахскую знать, судя по всему, не прельщала перспектива становиться царскими чиновниками. Очевидно, что их вполне устраивала ситуация, при которой они не несли никакой обременительной ответственности перед вышестоящими начальниками. Реформа встретила сопротивление в Степи и вскоре сошла на нет. Это был первый пробный шар административных преобразований, поэтому вполне объяснимо, что он оказался неудачным. Однако, как полагает Д. В. Васильев, административная «реформа Игельстрома» «показала готовность царской администрации перейти в новую фазу взаимоотношений с казахским социумом – к активному вмешательству и в социальную структуру, и во внутривнутриполитические отношения» [3, с. 11]. Многие исследователи указывают на то, что для активной деятельности русского правительства сложились все необходимые условия: во-первых, постоянные междоусобные распри за землю между отдельными родами, что, понятно, не способствовало консолидации казахов; во-вторых,

нестабильное положение казахской элиты при отсутствии крепкой центральной ханской власти. По этой причине, как отмечает Д. В. Васильев, в тот период предложения по преобразованию управления Казахской степью и ее более интенсивному вовлечению в сферу имперской внутренней политики исходили от чиновников разного уровня и социального статуса. [4, с. 174–184]. Тем не менее царское правительство не решилось на серьезные преобразования в Степи в конце XVIII в. – это станет задачей следующих десятилетий.

Коренные изменения в управлении Степью начались в первой половине XIX в. Главной целью преобразований стала интеграция территорий в состав империи. На основной части степного региона было распространено общеимперское законодательство, но учитывавшее культурные, религиозные и иные особенности населения. Российское правительство использовало весь имеющийся у него опыт и испытанный набор методов и приемов, отработанных в отношении других кочевых скотоводческих этносов – башкир, калмыков, якутов и др., всячески пыталось адаптировать традиционные политические институты кочевников к общеимперской централизованной бюрократической системе.

При всей масштабности и глубине преобразований руководство страны действовало весьма гибко. Оно не стало выстраивать единую общую административную модель для всех казахских территорий, а действовало избирательно, учитывая принципиальные особенности отношения к власти отдельных казахских племен. Поэтому в итоге в Казахской степи было реализовано несколько административных моделей. В частности, в отношении Младшего и Среднего жузов были применены разные модели.

Первая административная модель – Оренбургская пограничная комиссия, которая стала главным органом управления Младшим жузом, территории которого находились на западе Казахской степи. Комиссия напрямую подчинялась Азиатскому департаменту МИД, однако оперативное руководство осуществлялось через оренбургского военного губернатора. Комиссия была создана, а точнее, преобразована из Оренбургской пограничной экспедиции в 1799 г. В период 1820–1824 гг. шло обсуждение планов преобразования в Младшем жузе. В нем деятельное участие принимали все заинтересованные ведомства и губернаторы близлежащих губерний, в том числе и генерал-губернатор Сибири выдающийся государственный деятель М. М. Сперанский. В 1824 г. был принят «Устав об оренбургских киргизах». Он стал главным руководством для проведения реформы в Младшем жузе. Согласно Уставу Младший жуз был поделен на три административные части – Западную, Среднюю и Восточную, которые управлялись султанами-правителями. Кстати, в том же году были приняты в российское подданство казахи Большого жуза, боровшиеся против владычества Кокандского ханства [5].

В 1824 г. ханская власть в Младшем жузе была упразднена, а бывшему хану Шергазы Айшуакову было предложено стать первоприсутствующим в Оренбургской пограничной комиссии с окладом в 150 руб. Современная исследовательница Е. П. Кудрявцева отмечает, что «упраздняя ханскую власть, российское правительство стремилось сохранить традиционную систему управления в Младшем жузе» [6, с. 52]. В 1825 г. на должность председателя Оренбургской пограничной комиссии был назначен полковник Г. Ф. Генс, который жил и служил на разных должностях в Оренбурге с 1807 г., а поэтому хорошо знал обычаи и традиции коренного населения региона. Кроме того, Генс имел широкие научные интересы, как ученый-востоковед оставил после себя обширные материалы о природе Средней Азии, народах, ее населяющих, их обычаях и занятиях. Председатель комиссии имел весьма широкие полномочия: в его ведении находились судопроизводство, торговля и внешняя политика, включая сношения с казахами Младшего жуза. Кроме этого, через комиссию поддерживалась связь со среднеазиатскими ханствами. Штаты комиссии окончательно утвердились в 30–40-е гг., однако основные организационные структуры были сформированы еще в

1820-х гг. Согласно штатному расписанию, кроме председателя, его советников, чиновников МИД, переводчиков и канцелярских служащих, в ней числились три султана-правителя, которым было положено государственное жалование в размере 100 руб. ежемесячно, вдобавок они получали по 60 четвертей ржаной муки в год [6, с. 53]. Таким образом, султаны-правители являлись чиновниками МИД и, как все другие члены комиссии, имели право носить мундир этого ведомства. При вступлении в должность каждый султан-правитель получал от оренбургского генерал-губернатора грамоту, знамя с императорским гербом и золотую саблю от МИД [7, с. 12]. Султанам-правителям вменялось в обязанности собирать налоги, вести судебные дела, следить за сохранением порядка в своих административных единицах, а также контролировать деятельность чиновников из числа казахской знати. Судопроизводство осуществлялось на основе адатов. В 1831 г. была проведена новая административная реформа, в результате чего была введена дистанционная система управления. Все кочевья казахов Младшего жуза были поделены на 32 дистанции, во главе которых стояли старшины, назначаемые царской администрацией. Старшины подчинялись султанам-правителям. Данная административная реформа была не до конца продумана, поскольку деление на дистанции проводилось без учета сложившихся у казахов родовых кочевий. В силу этого впоследствии было решено отказаться от деления по территориальному признаку, а закрепить за родами дистанции, на которых находились их традиционные кочевья. Д. В. Васильева констатирует: «Оренбургская модель (Малая орда) во многом сохранила традиционные представления о власти и внутреннюю самостоятельность казахской администрации» [3, с. 12].

Вторую административную модель, которую реализовывало царское правительство в управлении казахскими территориями, принято называть Сибирской. Она была применена в отношении казахов Среднего жуза и предполагала систему административно-территориального деления и политическое устройство, наиболее приближенные к общеимперским.

Необходимость изменения подходов в отношениях с казахами Среднего жуза было во многом связано с укреплением позиций России в южных районах Западной Сибири. Кроме того, на наш взгляд, административные реформы по управлению Средним жузом следует рассматривать как один из этапов реформирования Сибири. Вообще административные реформы в Среднем жузе связывают с именем М. М. Сперанского, управлявшего в то время Сибирью. Дело в том, что в указанный период времени центральные власти пытались наводить на своих восточных окраинах порядок, которого там не было испокон веков. Проблема с Сибирью обозначилась в начале XIX в., когда резко упали доходы от этих земель. Управлявший территорией генерал-губернатор И. Б. Пестель ничем хорошим в этих краях не прославился. Более того, известно, он никогда не жил в Сибири, после первого и последнего обозрения владений вернулся в Петербург, откуда и руководил 12 лет, получая при этом взятки от своих сибирских «помощников». Порочный образ действий И. Б. Пестеля был осужден как властью, так и российской общественностью. Кстати, И. Б. Пестель был отцом декабриста П. И. Пестеля, и мы не исключаем, что он мог мстить царизму за позор отца. После И. Б. Пестеля в Сибирь был направлен М. М. Сперанский, который провел тщательную ревизию края, после чего составил детальный отчет о положении дел и представил его Александру I. Известно, что после этой ревизии М. М. Сперанский назвал И. Б. Пестеля «пустой головой, какую когда-либо знал». В данной статье мы не будем касаться проблем реформы Сибири, поскольку это не входит в задачи нашего исследования, а лишь отметим, что пограничные линии кочевий Среднего жуза проходили по границам сибирских земель. Кроме того, еще в конце XVIII в. казахским кочевникам разрешалось заходить со своими стадами в пределы сибирских территорий. Исследователь С. В. Шевчен-

ко отмечает: «К концу второго десятилетия XIX в. во «внутренних» областях кочевало уже около 11 тыс. казахов» [8, с. 51]. Основная их часть кочевала в южных районах Сибири на постоянной основе. По этой причине царское правительство решило окончательно включить территории казахских кочевий в пределы империи и заменить косвенное управление этими территориями на прямое.

Попытки поставить под контроль эти земли предпринимались еще в 1816 г., когда восточные районы Среднего жуза были отобраны у правившего в это время Вали-хана и отданы под управления новоутвержденного хана Букея. В 1820-е гг. оба хана умирают, а центральные власти всячески препятствуют проведению новых выборов – местные власти получают указание «отклонять всякий приступ к выбору» нового хана [9, с. 182–183]. Это сложно назвать реформами, однако правительство понимало необходимость принятия мер к изменению отношений с кочевым населением региона.

После ревизии М. М. Сперанского был сделан вывод о том, что применяемая пограничная система косвенного управления уже не отвечает в полной мере задачам по организации управления территориями. В 1822 г. была проведена Сибирская административная реформа, в результате чего в Сибири было учреждено два главных управления: Западное и Восточное. В Западное главное управление вошли Тобольская и Томская губернии и Омская область. К Омской области помимо прочих районов были присоединены степные территории, на которых были учреждены округа, населенные преимущественно казахами-кочевниками Среднего жуза. Центрами округов были крепости: Омская, Петропаловская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская. Они подчинялись Окружному управлению в составе окружного начальника и Окружного совета. Окружные начальники одновременно являлись комендантами крепостей и командирами казахских подразделений. Все это замыкалось на главном областном начальнике, который одновременно выступал командиром Сибирского казачьего корпуса. Новый административный порядок предполагал изменения в обязанностях Сибирского линейного казачества. Если до реформы казаки несли только пограничную службу, то после введения новых порядков на них были возложены полицейские и административные функции. Они должны были поддерживать порядок в Степи и обеспечивать деятельность окружных приказов.

В дополнение к новому административному делению в этом же году был принят новый «Устав о сибирских киргизах». М. М. Сперанский во многом лично подготовил этот документ, в 1822 г. утвержденный императором Александром I [10].

Первая глава устава определяла административную структуру управления сибирскими киргизами [10, с. 417]. Самой крупной административной единицей считался округ, имевший свои разграниченные земли (§ 9). Округ включал в себя от 15 до 25 волостей, каждая из которых состояла преимущественно из представителей одного рода или поколения, но не исключалась возможность формирования волости из соседних родов (§ 8). В волость, в свою очередь, входило 10–12 аулов, каждый из которых объединял 50–70 кибиток (§ 5).

Устав был составлен так мудро и изобретательно, что во многих местах устанавливал юридические преграды для тех, кто хотел бы злоупотребить властью над кочевниками. Но, к сожалению, не везде. Он определял, что вошедшие в состав Российской империи казахские земли были разделены на округа. Это были так называемые внешние округа, управляемые окружными приказами. Окружной приказ имел смешанный состав, в него входили выборный председатель – старший султан, как правило, в чине майора русской армии – и четыре заседателя – по два от русских и казахов. Так, устав гласил: «В Приказе, под председательством старшего султана, присутствуют: два российских заседателя, определяемых областным начальником, и два заседателя из почетных киргизов, по выбору» [10, с. 418].

В нем же утверждался наследственный характер звания султана (§ 30), а § 31 определял, что «право их на управление волостями должно переходить только по одной прямой нисходящей линии и по первородству, но и в сем случае сообразно с нынешними обычаями должно предварительно истребовать согласие общества, которое может избрать и другого султана, но не вверяет ему власти без утверждения областного правления» [10, с. 418]. Таким образом, власти сохраняли силу существовавших у казахов обычаев и учитывали их представления о власти, но при этом оставляли за собой последнее слово в выборе султана.

На окружные приказы были возложены полицейские и судебные функции. Округа были поделены на волости, во главе которых стояли старшины, причем § 25 устава определял, что «старшины для управления аулами выбираются от самих киргизов и утверждаются в сем звании окружным приказом» [10, с. 418]. Выборы проводились путем устного опроса населения, срок полномочий старшин ограничивался тремя годами, однако количество сроков не оговаривалось. Старшины в отличие от других должностных лиц в этой административной системе жалование не получали.

Таким образом, претворение положений нового устава в жизнь кардинально изменило структуру русско-казахских отношений в Среднем жузе. Было установлено прямое российское управление, но с элементами традиционных представлений казахов о власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ерофеева И. Политическая организация кочевого казахского общества. URL: https://ca-c.org.ru/journal/1998/14-1998/st_15_erofeeva.shtml (дата обращения: 02.02.2023).
2. Казахско-русские отношения в XVI – XVIII веках : сб. документов и материалов / под ред. М. О. Джангалина, Ф. Н. Киреева, В. Ф. Шахматова. Алма-Ата, 1961. 741 с.
3. Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. 638 с.
4. Васильев Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М., 2014. 471 с.
5. Грамота, Высочайше пожалованная султанам Большой Киргиз-кайсацкой Орды – О принятии их в подданство. 13 мая 1824 года // ПСЗРИ-1. Т. 39. СПб., 1830. № 29907. С. 313.
6. Кудрявцева Е. П. Деятельность Оренбургской пограничной комиссии в качестве подразделения российского МИД // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3. С. 51–55.
7. Горбунова С. В. Оренбургская пограничная комиссия в Младшем казахском жузе : автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1998. 48 с.
8. Шевченко С. В. Управление Средним казахским жузом в конце XVIII – первой четверти XIX вв.: проекты реформ // Вестник Омского университета. 2001. № 2. С. 50–52.
9. Казахско-русские отношения в XVIII – XIX веках (1771–1861 гг.) : сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1964. 575 с.
10. Высочайше утвержденный Устав о Сибирских Киргизах. 22 июля 1822 года // ПСЗРИ-1. Т. 38. СПб., 1830. № 29127. С. 417–433.

REFERENCES

1. Erofeeva I. *Politicheskaya organizatsiya kochevogo kazakhskogo obshchestva* [Political organization of nomadic Kazakh society]. Available at: https://ca-c.org.ru/journal/1998/14-1998/st_15_erofeeva.shtml (accessed February 2, 2023).
2. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v 16 – 18 vekakh: sb. dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations in the 16th – 18th centuries: collection of documents and materials]. Ed. by Dzhangalin M.O., Kireev F.N., Shakhmatov V.F. Alma-Ata, 1961. 741 p.
3. Vasil'ev D.V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The burden of Empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. The second half of the 19th century]. Moscow, 2018. 638 p.

4. Vasil'ev D.V. *Rossiya i Kazakhskaya step': administrativnaya politika i status okrainy. 18 – pervaya polovina 19 veka* [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. 18th – the first half of the 19th century]. Moscow, 2014. 471 p.
5. The Letter, Most highly granted to the sultans of the Great Kirghiz-Kaysak Horde – On their acceptance into citizenship. May 13, 1824. In: *PSZRI-1. T. 39* [PSZRI-1. Volume 39]. Saint Petersburg, 1830. No. 29, 907. P. 313. (In Russ.).
6. Kudryavtseva E.P. The activity of the Orenburg's Border Committee as a department of the Russian Ministry of Foreign Affairs. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk = Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 20, no. 3, pp. 51–55. (In Russ.).
7. Gorbunova S.V. *Orenburgskaya pogrannichnaya komissiya v Mladshem kazakhskom zhuzе: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk* [Orenburg Border Commission in the Junior Kazakh Zhuz: Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Moscow, 1998. 48 p.
8. Shevchenko S.V. Management of the Average Kazakh Zhuz at the end of the 18 – first quarter of the 19 centuries: projects of reforms. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of the Omsk University*, 2001, no. 2, pp. 50–52. (In Russ.).
9. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v 18 – 19 vekakh (1771–1861 gg.): sb. dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations in the 18th – 19th centuries (1771–1861): collection of documents and materials]. Alma-Ata, 1964. 575 p.
10. V The most highly approved Charter on the Siberian Kyrgyz. July 22, 1822. In: *PSZRI-I. T. 38* [PSZRI-I. Volume 38]. Saint Petersburg, 1830. No. 29,127. Pp. 417–433. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЛИТВИНОВ – доктор исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина, Елец, Россия, старший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан, vladlenli@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VLADIMIR P. LITVINOV – Doctor of Sciences (History), associate professor at the Department of History and Historical and Cultural Heritage of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, Senior Researcher at the Institute of Strategic Analysis and Forecasting of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan, vladlenli@yandex.ru

Статья поступила 03.02.2023